

Е.Ю. Сафронова

ТОПОС ИСПАНИИ В СИБИРСКИХ ПОВЕСТЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается топос Испании в сибирских повестях Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». В художественном мире писателя мифогенный потенциал Испании как страны мечты, любви, чудес иронически развенчивается путем снижения и сопоставления с реалиями сибирской провинции. Топосы Испании и Сибири противопоставлены географически, метрологически и психологически.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Испания, Сибирь, локальный текст, семиотика пространства, хронотоп, геопоэтика.

Исследование локальных текстов как символически целостного пространства культуры в гуманитарной науке конца XX – начала XXI в. является одним из приоритетных направлений современного отечественного и зарубежного литературоведения. Активно возрастает интерес ученых к геокультурным аспектам истории национальной словесности, проблемам поэтики и семиотики локального текста, а также вопросам геопоэтических перекрестков.

Диалогу культур России и Испании посвящена монография М.П. Алексеева «Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв.», в которой он отмечает, что мысль о политическом союзе двух держав принадлежала еще Петру I, однако торговые и культурные связи налаживались с трудом и Испания в отличие от остальной Европы оставалась страной далекой, экзотичной. В России господствовало представление о ней как о стране идеальных чувств, любовной героики, чудес, заморских диковинок [1. С. 32]. В русской литературе романтического периода сложился настоящий культ Испании, проявившийся, в частности, в творчестве А.С. Пушкина («Ночной зефир струит эфир» и «Я здесь, Инезилья»). К середине XIX в. он приобрел черты шаблона и стал предметом иронии, как в стихотворении Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем».

Тенденция иронического снижения испанской экзотики отразилась в творчестве Ф.М. Достоевского, где особое место принадлежит сибирским повестям «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Обе повести – первые произведения писателя, написанные после каторги, – восходят к первоначальному единому замыслу комедии, а затем комического романа. Как известно, в них отразились впечатления писателя от провинциальной России, которая изображена «через внутренние оппозиции с Петербургом и заграницей [2. С. 39].

Топос Испании и его локальные приметы возникают в повести «Дядюшкин сон» в словах Марии Александровны Москалевой, матери Зины, в эпизодах убеждения дочери, а затем и ее жениха в необходимости выйти замуж за престарелого князя:

<...> уж одно то, что ты переходишь в другое общество, в другой мир! Ты оставляешь навсегда этот отвратительный городишка, полный для тебя ужасных воспоминаний, где нет у тебя ни привета, ни друга, где оклеветали тебя, где все эти сороки ненавидят тебя за твою красоту. Ты можешь даже ехать этой же весной за границу, в Италию, в Швейцарию, в Испанию, Зина, в Испанию, где Альгамбра, где Гвадалквивир, а не здешняя скверная речонка с неприличным названием... [3. С. 324].

Далее, приводя новые аргументы, мать описывает открывающее широкие горизонты замужество как духовный подвиг спасения возлюбленного, бывшего учителя Васи:

<...> при изменении климата и впечатлений, больной мог бы выздороветь. Он сказал мне, что в Испании, – и это я еще прежде слышала, даже читала, – что в Испании есть какой-то необыкновенный остров, кажется Малага, – одним словом, похоже на какое-то вино, – где не только грудные, но даже настоящие чахоточные со всем выздоравливали от одного климата, и что туда нарочно ездят лечиться, разумеется, только одни вельможи или даже, пожалуй, и купцы, но только очень богатые. Но уж одна эта волшебная Альгамбра, эти мирты, эти лимоны, эти испанцы на своих мулах! – одно это произведет уже необыкновенное впечатление на натуру поэтическую. Ты думаешь, что он не примет твоей помощи, твоих денег, для этого путешествия? Так обмани его, если тебе жаль! Обман протителен для спасения человеческой жизни. Обнадежь его, обещай ему, наконец, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замуж, когда овдоеешь [3. С. 327].

Детально разработанная Марией Александровной мотивология неравного брака красавицы-дочери со старым князем базируется на негативном «сибирском» опыте героини, «ужасных воспоминаниях», необходимости выхода неординарной личности из «отвратительного городишки». Подлинные прагматические мотивы матери скрываются за стереотипными романтическими клише рецепции Испании.

Первая дама Мордасова верно нащупала болезненную точку дочери, для которой Испания – экзотический мир, концентрирующий в себе реалии жизни, радикально отличной от среды существования Зины в ситуации культурного вакуума, на который обречена неординарная личность в условиях традиционного социума. Предельно обнажена эта мысль в исповедальном признании Зины князю К. в вечер объяснения:

Если решилась выйти за вас, то единственно, чтоб хоть куда-нибудь уйти отсюда, из этого проклятого города, и избавиться от всего этого смрада [З. С. 386].

Заметим, что для сибирского текста в целом мотив пересечения границы является одним из центральных.

Аналогично в романтическом контексте Марья Александровна рисует будущее еще одному претенденту на руку Зины Павлу Александровичу Мозглякову, используя те же мифологемы испанского мира:

Для здоровья князя Зина едет за границу, в Италию, в Испанию, – в Испанию, где мирты, лимоны, где голубое небо, где Гвадалквивир, – где страна любви, где нельзя жить и не любить; где розы и поцелуи, так сказать, носятся в воздухе! Вы едете туда же, за ней; вы жертвуете службой, связями, всем! Там начинается наша любовь с неудержимою силой; любовь, молодость. Испания, – боже мой! [З. С. 354].

Испания воспринимается как сакраментальный рубеж, способный разделить на две части не только Евразию, но и человеческие судьбы Зины, князя, Васи, Мозглякова, Марьи Александровны. В отличие от обыденного мира провинции, в котором преобладают скука и томление в «глуши» с естественным желанием вырваться, Испания описывается Москалевой как возможный спасительный сценарий для героев, земной рай. Однако на утопичность и ирреальность альтернативы указывает поразительная легкость замены спутников Зины: старый князь – Вася – Мозгляков. Кроме того, положи-

тельное отношение к любовному треугольнику, опоэтизированной ситуации страстного телесного томления юной девушки рядом со стариком-мужем в окружении молодого и потенциально более успешного любовника прозаически развенчивает высокие идеалы, обнажая лицемерие и корысть матери Зины, стремящейся продать дочь подороже.

В разработке матримониальной темы Москалева соблазняет дочь этнографической экзотикой, мифологизированными стереотипами испанского ландшафта и картины мира, которые основаны не на личном опыте (реальных путешественников из Сибири в Испанию не было), а почерпнуты из того же провинциального источника – городских слухов. Настойчивое желание Москалевой убедить Зину, что она не просто «слышала, даже читала» [З. С. 327], свидетельствует скорее об обратном. Географические познания первой дамы Мордасова отрывочны и эклектичны, основаны на стереотипных клише и туристических штампах по принципу: страна, ее архитектурный символ и гидроним.

В качестве архитектурного символа выбрана Альгамбра – впечатляющий архитектурно-парковый ансамбль XIV в., который включает древние дворцы, крепость и сады мусульманских правителей. На покоренных землях солнечной Испании мавританские эмиры пожелали создать кусочек земного рая. Альгамбра расположена на вершине скалистого плато в восточной части города Гранады на юге Испании. Название буквально переводится с арабского как «красный замок», что связывают с цветом глины, из которой построены дворцы, либо с цветом пламени факелов, освещающих замок во время многолетнего строительства. Средневековые поэты описывали это сооружение как «изумрудную жемчужину», отмечая выразительное строение на фоне зеленых лесов, голубого неба и горных пейзажей с заснеженными вершинами Сьерра Невады. Альгамбра считается высшим достижением мавританских архитекторов в Западной Европе [4].

Пытаясь поразить воображение дочери, Марья Александровна называет Гвадалquivир – непривычную для русского слуха реку, сравнивая ее по контрасту со «здешней скверной речонкой с неприличным названием» [З. С. 324]. Звучность и экзотичность фонетической оболочки гидронима подчеркнута на фоне умалчивания названия местной речки. Гвадалquivир – довольно крупная, пятая по протяжённости река в юго-восточной части Испании, на которой

расположен город Севилья. Можно предположить, что Москалева в воображении Зины создает туристический маршрут, маркируя его знаковые точки: от Гранады до Севильи. Однако более вероятно, что Москалева не осведомлена, что Гранада с Альгамброй расположена в юго-восточной, а Гвадалквивир с Севильей – в юго-западной части страны. Да и названия городов опущены. Чуть дальше по тексту героиня говорит о «необыкновенном острове, кажется Малага, – одним словом похоже на какое-то вино» [З. С. 327], путая порт Малагу с островом Майорка в центре Балеарских островов, что характеризует степень информированности первой дамы Мордасова, которой важнее мифогенный потенциал испанского ареала как иного, более привлекательного мира: «Испания, боже мой!» [З. С. 354].

Топосы Сибири и Испании в повести противопоставлены географически, метрологически и психологически. Так метели, снегу, ветру и холоду как рутинным «декорациям» русских колониальных земель противопоставлен мягкий климат юга Испании. Зиме как доминантному времени года Сибири, связанному с лиминальным состоянием болезни и смерти, в испанской картине мира соответствуют весна и чудесное выздоровление. Темнота зимнего вечера и неосвещенные улицы провинциального города контрастны свету и солнцу Испании. Однообразие равнин с «маленькими, вставшими в землю домишками» [З. С. 363] противоположна вертикальная организация пространства: величественный замок, расположенный на горе, с которой открываются восхитительный пейзаж и панорама всей Гранады.

Одним из важнейших семантических параметров Сибири в повести является бедность форштата Мордасова, квартал, «где нечего украсть» [З. С. 363] и узкие тротуары, тогда как в Испании – богатство и роскошь мавританского замка. «Запоздавшему мещанину или бабе в тулупе и сапогах» [З. С. 363] противопоставлены колоритные испанцы. «Ожесточенно лающие собаки» [З. С. 363], нападающие на прохожих и разрывающие им шубы, контрастны величественным мулам, покорно служащим человеку.

Если говорить о внутреннем психологическом состоянии героев, то это болезнь, лихорадка, страх, тревога, нездоровье, сон. Сибирская провинция маркирована такими деталями, как «ужасные воспоминания», смертельная болезнь, «невыносимая тоска» [З. С. 363], прошлое, тогда как Испания – страна мечты, поэзии, культуры человеческих отношений, в которых доминирует любовь. В итоге сибирский тоpos получает усиленную негативную оценку по принципу

восходящей градации: «отвратительный городишка», «проклятый город», полный ненависти, тщеславия, зависти, сплетен, «гадких интриг» [3. С. 385], «смрад», словно дублируя характеристику Петербурга как города-ада.

Весьма примечательно, что писатель использует минус-прием, не называя названия испанских городов, словно проверяя эрудицию своих читателей. Сибирский провинциальный городок имеет условное название – Мордасов, указывающее на то, что у его обитателей не лица, а морды. Такое сравнение с животным миром подчеркивает господство низких прагматических целей, отсутствие духовных потребностей. По словам В.Н. Захарова, местное дворянство живет той «неистинной жизнью, в которой властвуют ложные интересы и господствуют искаженные ценности» [5. С. 173]. По нашему убеждению, под топонимом «Мордасов» Достоевский зашифровал город Барнаул, а «здешняя речонка с неприличным названием» – это перифраз реки Барнаулки. Название гидронима переводится как «волчья река». Такая этимология перекликается с «животной» метафорой Мордасова. Возможно, так автор намекает на поговорку «волки в овечьей шкуре», характеризуя жителей города, под гостеприимством которых скрывается желание обмануть князя женитьбой.

Ироническое продолжение моды на Испанию встречаем и в повести «Село Степанчиково...», где вновь фигурирует Малага, но уже не как чудесный остров, а только сорт редкого десертного вина. В пятой главе второй части под названием «Фома Фомич созидает всеобщее счастье» приживальщик разрешает Ростаневу жениться на Настеньке. Причина такого благополучного исхода в том числе и в алкогольном опьянении Фомы, которое и создает благодушное настроение и расположение героя и в конечном итоге приводит к всеобщему счастью. Так, даже при ироническом снижении Малага обладает чудесным действием избавления от болезней: не позволяет вымокшему Опискину простудиться и способствует соединению влюбленных. Если в произведении «Дядюшкин сон» малага вызывала метафорическое опьянение – «необыкновенное впечатление на натуру поэтическую» [3. С. 327], то в следующей сибирской повести происходит вполне прозаическое опьянение блюстителя нравственности:

– Ты у нас, Фома, ты в кругу своих! – вскричал дядя. – Ободришь, успокоишь! И, право, переменял бы ты теперь костюм, – Фома, а то заболеешь... Да не хочешь ли подкрепиться – а? так, эдак... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтоб согреться...

– Малаги бы я выпил теперь, – простонал Фома, снова закрывая глаза.

– Малаги? Навряд ли у нас и есть! – сказал дядя, с беспокойством смотря на Прасковью Ильиничну.

– Как не быть! – подхватила Прасковья Ильинична, – целые четыре бутылки остались, – и тотчас же, гремя ключами, побежала за малагой, напутствуемая криками всех дам, облепивших Фому, как мухи варенье. Зато господин Бахчеев был в самой последней степени негодования.

– Малаги захотел! – проворчал он чуть не вслух. – И вина-то такого спросил, что никто не пьет! Ну, кто теперь пьет малагу, кроме такого же, как он, подлеца? [6. С. 145].

Этот эпизод повести отсылает к рассказу И.И. Панаева о встрече Н.В. Гоголя с молодыми петербургскими писателями на квартире А.А. Комарова в 1848 г. Несмотря на особенно вкусный ужин и желание хозяев угодить дорогому гостю, тот от всего отказывался.

– Чем же Вас угощать, Николай Васильевич? – сказал наконец в отчаянии хозяин дома. – Ничем, – отвечал Гоголь. – Впрочем, дайте мне рюмку малаги. Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже около часа, погреба все заперты... Однако хозяин послал людей, чтобы они нашли малагу. Но Гоголь, сказав о своём желании, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой. – Сейчас подадут малагу, – сказал хозяин дома, – подождите немного. – Нет, мне не хочется, и уже поздно... Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, попробовал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы... [7. С. 136].

Вероятно, Достоевский слышал об этой истории с малагой от самого И.И. Панаева или других очевидцев. По мнению Н.В. Берга, «трудно представить себе более избалованного литератора и с большими претензиями, чем был в то время Гоголь. <...> Приближенные <...> окружали его неслышанным, благоговейным вниманием» (цит. по: [8. С. 217]). Ю.Н. Тынянов посредством тщательного стилистического и биографического анализа доказал, что «Опискин – характер пародийный, материалом для пародии послужила личность Гоголя; речи Фомы пародируют гоголевскую «Переписку с друзьями» [8. С. 213–214].

В эпизоде угощения Опискина Достоевский меняет финал. У заботливой Прасковьи Ильиничны к всеобщему изумлению «целых четыре бутылки осталось» [6. С. 145], что создает картину усадебного рая,

в котором есть все, даже вино редких сортов. Уточним, что малага – лучшее натуральное десертное вино Испании, производимое в Восточной Андалузии и издавна вывозимое через порт Малагу, от которого и получило свое название. Фактически под названием «малага» фигурировало три различных вида вина из андалузского винограда: «Маэстро ди Малага», «Вино де Колор» и «Лакрима-малага». Как и все знаменитые вина, малага уже с середины XIX в. стала предметом подделки как в самой Испании, так и в Германии. В частности, известен такой факт: Испания закупала русскую водку длякрепления малаги, вывозимой из страны, в том числе и в Россию [9].

То, что Фома Фомич просит выпить именно малаги как экзотического вина, с одной стороны, должно подчеркнуть его значительность как гостя. С другой стороны, эпизод с малагой коррелирует по контрасту со стихотворением «Осада Памбы» – пародийным «романсеро» Козьмы Пруткова, которое читает наизусть в день своих именин маленький сын Ростанева Илюша. В этом стихотворении повествуется о том, как девять тысяч кастильцев девять лет безуспешно осаждают мавританский замок Памбу по причине обета питаться одним молоком. В результате в живых остаются только девятнадцать человек. Располагая рядом эти эпизоды, Достоевский ставит проблему истинной и ложной добродетели. « – Экой фофан! Чем утешается, – прервал опять дядя, – что девять лет молоко пил!.. Да какая это добродетель? Лучше бы по целому барану ел, да людей не морил!», – возмущен подполковник Ростанев, сам находящийся в «плёну» Опискина – гордого и тщеславного «святого», борца за добродетель, способного «отобрать» день именин у ребенка и препятствовать женитьбе «хозяина» на любимой девушке [6. С. 133].

Продолжением испанской темы в повести является образ полубезумной Татьяны Ивановны, в котором Достоевский сатирически показал последствия некритического, бездумного увлечения Испанией в форме стереотипных клише. Писатель пародийно развенчивает романтический идеал девушки, верящей в большую красивую любовь.

Татьяна Ивановна не рассуждала, а верила. Но в ожидании его, идеала – женихи и кавалеры разных орденов и простые кавалеры, военные и статские, армейские и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшие в Париже и бывшие только в Москве, с бородками и без бородок, с эспаньолками и без эспаньолок, испанцы и неиспанцы (но преимущественно испанцы), начали представляться ей день

и ночь в количестве, ужасающем и возбуждавшем в наблюдателях серьезные опасения; оставался только шаг до желтого дома. Блестящую, упоенную любовью вереницей толпились около нее все эти прекрасные призраки. Наяву, в настоящей жизни, дело шло тем же самым фантастическим порядком: на кого она ни взглянет – тот и влюбился; кто бы ни прошел мимо – тот и испанец; кто умер – непременно от любви к ней [6. С. 121].

Сарказм писателя заключается в том, что Татьяна Ивановна – уже немолодая, а скорее старая дева с «чувствительным сердцем», внезапно получившая наследство. Иная, прозаическая реальность очевидна всем, кроме нее самой. Героине остается «шаг до желтого дома» – вот результат «опиума таинственных, непрерывных мечтаний!» [6. С. 120]. Ее образ создается с безусловной ориентацией на стихотворение Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем», лирический герой которого воображает себя в Андалусии под окном у прелестной девушки:

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.<...>

Погоди, прелестница,
Поздно и рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана! <...>

И на этом месте,
Если вы мне рады, –
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире [10. С. 313–314].

Этот текст не включен в произведение целиком, а словно раздроблен на аллюзии. Именно литературный характер увлечения Испанией с «манией к амурным делам» и обыгрывает в повести Достоевский. Характер Татьяны Ивановны едко и пронизательно

угадывает один из недостойных женихов с говорящей фамилией Мизинчиков, в погоне за богатством планирующий свадьбу убогом:

На вздохи, на записочки, на стишки вы ее тотчас приманите; а если ко всему этому намекнете на шелковую лестницу, на испанские серенады и на всякий этот вздор, то вы можете сделать с ней все, что угодно. Я уж сделал пробу и тотчас же добился тайного свидания. Впрочем, теперь я покамест приостановился до благоприятного времени. Но дня через четыре надо ее увезти, непременно. Накануне я начну подпускать лясы, вздыхать; я недурно играю на гитаре и пою. Ночью свиданье в беседке, а к рассвету коляска будет готова [6. С. 97].

Таким образом, топос Испании в сибирских повестях Достоевского предстает не столько как географическая категория, сколько как психологическое пространство личности, как миф и символ. Этнографическая экзотика испанского мира противопоставлена реалиям сибирской провинции и является для героев символом искушения иной жизнью. Существенной особенностью поэтической организации сибирских повестей является не только повторяющаяся территориальная антитеза «Сибирь – Испания», но и дублирование любовных историй и расстановка персонажей. Любовный квадрат «Зина – Вася – князь К. – Мозгляков» в повести «Дядюшкин сон» не разрешается и не приводит к браку ни с одним из претендентов. У Татьяны Ивановны, образ которой является пародией на красавицу Зину, уже четыре соискателя: Ростанев, Сережа, Обноскин, Мизинчиков, два последних в погоне за деньгами плетут интриги со свадьбой убогом. Любовный сюжет вновь завершается прозрением, возвращением героини с «испорченной» репутацией. Так Достоевский разоблачает последствия увлечения чуждым и ухода от родного и исконного. Результаты увлечения Испанией оказываются бытовыми и крайне прозаическими: опьянение, расстройство свадьбы, смерть.

Литература

1. Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 217 с.
2. Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 432 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 2: Повести и рассказы: 1848–1859. 525 с.
4. Испания по-русски. Альгамбра [Электронный ресурс]. URL: <http://www.espanarusa.com/ru/pedia/article/153216>

5. Захаров В.Н. Провинциальная хроника // Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский: Очерк творчества. М., 2013. 456 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 3: Село Степанчиково и его обитатели; Униженные и оскорбленные. 541 с.
7. Панаев И.И. Из «Воспоминания о Белинском» // Гоголь в воспоминаниях современников [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/87986/0/Gogol'_v_vospominaniyah_sovremennikov.html
8. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198–226.
9. Энциклопедия кулинарного искусства. Малага [Электронный ресурс]. URL: <http://alcala.ru/kulinarnogo-iskusstva/slovar-M/2083.shtml>
10. Толстой А.К. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1: Стихотворения. 592 с.

Safronova, Elena Yu. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: esafr@mail.ru

SPANISH TOPOS IN F.M. DOSTOEVSKY'S SIBERIAN NOVELLAS

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2016, 2(6), pp. 101–112. DOI: 10.17223/24099554/6/7

Keywords: F.M. Dostoevsky, Spain, Siberia, local text, semiotics of space, chronotope, geopoetics.

The article focuses on the locus of Spain in F.M. Dostoevsky's Siberian novellas "Uncle's Dream" and "The Village of Stepanchikovo: And its Inhabitants". In Dostoevsky's works, the mythogenic capacity of Spain as a country of dream, love, and miracles is ironically discredited through comparison with Siberian realities. Marya Aleksandrovna Moskalyova has sketchy and eclectic knowledge of geography based on stereotypes and tourist's clichés following the pattern – a country, its architectural symbol and hydronym. Chosen as an architectural symbol, Alhambra is an impressive Mauritan architectural and park ensemble of the 14th century, and the river Guadalquivir, a hydronym that sounds unusual for the Russian hearing, is compared to "the local nasty rivulet with an indecent name". The euphony and exotic sounding of the hydronym is even more emphasized, because the name of the local rivulet is not given. Moskalyova does not know that Granada and Alhambra are located in the southeast, while the Guadalquivir and Seville – in the southwest of the country. She also misses the city names. The character, then, speaks about "an unusual island of Malaga, that sounds as a name of some wine", confusing the port of Malaga with the island of Majorca in the centre of the Balearic Islands, which is characteristic of the level of awareness of the first lady in Mordasov, who appreciates the mythogenic potential of Spain as of a different, more attractive world: "Spain, my God!" Dostoevsky uses the minus-device, not giving the name of Spanish cities (Granada, Seville) as if checking the expertise of the readers. The Siberian provincial town is given a conventional name – Mordasov (from Russian 'morda', a derogatory noun meaning 'an ugly disgusting face'), specifying that its inhabitants have muzzles rather than faces. Such comparison with fauna emphasizes the domination of the low pragmatical purposes and lack of spiritual needs. Malaga, not as a wonderful island, but as a sort of rare sweet wine, is mentioned in "The Village of Stepanchikovo" in Chapter 5 of the second part entitled "Foma Fomich creates general happiness. In this chapter Opiskin (a permanent houseguest who lives at the expense of others) gives his consent so that Rostanev might marry Nastenka. The reason for such a happy end is Foma's alcoholic intoxication, which generates complacency and finally leads

to general happiness. Traced to Gogol's biographic text, the episode when guests drink Malaga has a different final in the novella: to general amazement, there are "still four bottles left", which that creates a picture of farmstead paradise and raises a problem of true and false virtues.

References

1. Alekseev, M.P. (1964) *Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnosheniy XVI-XIX vv.* [Essays on the history of the Spanish-Russian literary relations of the 16th–19th centuries]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Kibalnik, S.A. (2013) *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's intertextual poetics]. St. Petersburg: Petropolis.
3. Dostoevsky, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
4. Espanarusa.com. (n.d.) *Ispaniya po-russki. Al'gambra* [About Spain in Russian. Alhambra]. [Online] Available from: <http://www.espanarusa.com/ru/pedia/article/153216>.
5. Zakharov, V.N. (2013) *Imya avtora – Dostoevskiy: Ocherk tvorchestva* [The author's name – Dostoevsky: An essay on creativity]. Moscow: Indrik.
6. Dostoevsky, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
7. Panaev, I.I. (1952) Iz "Vospominaniya o Belinskom" [From the "Memories of Belinsky"]. In: Brodskiy, N.L., Gladkov, F. V., Golovenchenko, F.M. & Gudziy, N.K. (eds) *Gogol' v vospominaniyakh sovremennikov* [Gogol in the memoirs of contemporaries]. [Online]. Available from: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/87986/0/Gogol'_v_vospominaniyakh_sovremennikov.html.
8. Tynyanov, Ju.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema.]. Moscow: Nauka.
9. Pokhlebin, W. (ed.) (n.d.) *Entsiklopediya kulinarnogo iskusstva. Malaga* [An Encyclopedia of Culinary Art. Malaga]. [Online] Available from: <http://alcala.ru/kulinarnogo-iskusstva/slovar-M/2083.shtml>.
10. Tolstoy, A.K. (1981) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvenaya literatura.